УДК 340.112

ГРНТИ 10.07.27

**КАНТИАНСКИЕ И ГЕГЕЛЬЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ УСТАНОВЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПОРЯДКА В ОПЫТЕ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Круглова Ирина Владимировна

магистрант департамента философии и религиоведения

Школы искусств и гуманитарных наук

Дальневосточного федерального университета,

г. Владивосток, Россия

kruglova.iv@dvfu.ru

**KANTIAN AND HEGELIAN TRADITIONS OF ESTABLISHING
CONSTITUTIONAL ORDER IN THE EXPERIENCE OF RUSSIAN
STATEHOOD**

Irina V. Kruglova

master's Degree Student of the

Department of Philosophy and Religious Studies

of the School of Arts and Humanities

of the Far Eastern Federal University,

Vladivostok, Russia

АННОТАЦИЯ

В философии права сосуществуют две традиции кантианская и гегельянская, видящие основу права идею свободы, но трактующие ее по-разному: кантианцы – через идею прав личности, гегельянцы – через нравственную целостность государства. Для российской государственности характерно столкновение этих двух традиций, следы которого отчетливо прослеживаются в действующей Конституции. Создаваемая как «Конституция Человека», она сохранила в себе отголоски тоталитарного прошлого, что можно зафиксировать в противоречии между идеей суверенитета прав человека и внутренним суверенитетом

государства. Отечественная философия права предлагает альтернативу – концепцию цивилизма В.С. Нерсисянца, в которой ее автор видит приемлемую для России форму государственности.

ABSTRACT

In the philosophy of law, two Kantian and Hegelian traditions coexist, seeing the foundation of law as the idea of freedom, but interpreting it differently: Kantians through the idea of individual rights, Hegelians through the moral integrity of the state. Russian statehood is characterized by a clash of these two traditions, traces of which are clearly visible in the current Constitution. Created as the “Constitution of Human”, it retained the echoes of a totalitarian past, which can be fixed in the contradiction between the idea of the sovereignty of human rights and the internal sovereignty of the state. Domestic philosophy of law offers an alternative - the V.S. Nersesyants concept of civilism, in which author sees an acceptable form of statehood for Russia.

Ключевые слова: цивилизм; конституция; кантианство; гегельянство; философия права; часть и целое; право и закон.

Key words: civilism; constitution; Kantianism; Hegelianism; philosophy of law; part and whole; law and Act; jus and lex.

В европейской и российской (поскольку мы относим Россию к европейским государствам) философии права уже на протяжении двух столетий взаимодополняют друг друга и вместе с тем противостоят две фундаментальные традиции: кантианство и гегельянство. В условиях назревшего ныне кризиса идей ощущается нарастающая потребность в методологическом синтезе философских учений Канта и Гегеля.

Повышенный интерес к этим двум ключевым фигурам и заданной ими базисной проблематике всегда можно наблюдать в периоды революционных преобразований. Именно тогда философы и теоретики права обращаются к бытийственным основам совместной человеческой жизнедеятельности, возведенных и возводимых политических и правовых институтов. Ярким образчиком такого интереса на рубеже коренных перемен жизни российского общества начала XX века, волна которых в последующем охватила весь мир, можно назвать труд П.И. Новгородцева «Кант и Гегель в их учениях о праве и

государстве». По взглядам П.И. Новгородцева пробелы в системе Канта нашли глубокомысленного критика в лице Гегеля. По его словам, «нельзя найти лучшей параллели для взглядов Канта». Уже тогда русским мыслителем была выдвинута идея о том, что круг вопросов, поставленных Гегелем, не устраняют, а восполняют учение Канта [12, III]. Сам факт потребности обращения к фундаментальным учениям прошлого П.И. Новгородцев объяснял тем, что «логический объем доктрины, как системы абстрактных определений, шире тех непосредственных реальных поводов, которыми она вызывается к жизни» [12, 20]. Когда у ныне живущего человека содрогается устоявшаяся картина мира, опорой для него становятся такие учения. Однако П.И. Новгородцев, обращаясь и сопоставляя учения Канта и Гегеля, не зафиксировал их синтеза, да и в условиях современной ему действительности, когда на повестке дня стоял вопрос о нравственной оценке права, не ставил такой задачи, хотя из приведенных выше цитат явствует настроенность мыслителя на такой синтез.

Новый всплеск обращения к этой проблематике можно наблюдать сегодня в России. В период перехода от советского к современному демократическому государству российскому эта проблема приобрела особую актуальность, прежде всего потому, что на протяжении двух веков российская государственность конституировалась на основе гегельянской парадигмы. В целом весь XIX век русской культуры можно назвать веком Гегеля в России или русским гегельянством (здесь стоит упомянуть таких ярких приверженцев гегелевской философии как М.А. Бакунина, Н.В. Станкевича, В.Г. Белинского, И.А. Ильина, А.И. Герцена, Б.Н. Чичерина, А.В. Кожева), а в советский период Гегель воспринимался как существенный момент марксизма, что способствовало изданию его многотомных сочинений.

В настоящее время Россия совершает крутой поворот на встречу западно-либеральному кантианскому мировоззрению. Кантианская традиция в российской философской мысли представлена не так обширно, а в период господства гегельянской парадигмы (до начала 90-годов XX столетия) книги Канта считались библиографической редкостью. Среди наиболее крупных

представителей кантианства в царской России можно назвать А.И. Веденского и И.И. Лапшина, в советской России труды, посвященные философии Канта встречаются у Т.И. Ойзермана, В.Ф. Асмуса. Но уже в постсоветской России мы наблюдаем возрождение кантоведческих исследований. Складывающиеся в современной России условия, требуют не просто обращения к философским учениям о праве Канта и Гегеля, но вызывают к жизни вопрос о необходимости их примирения в российской действительности.

Анализу, в том числе и сравнительному, философий Канта и Гегеля посвящен широкий круг работ (П.И. Новгородцев, Т.И. Ойзерман и другие). Поскольку заложенные ими фундаментальные, диалектические основы имплицитно присутствуют в современных конституциях, рассмотрение проблемы конституционного строительства необходимо брать не обособленно, как чисто юридическое явление, а через призму двух философских концепций Канта и Гегеля. Цель настоящей работы не просто увидеть в постсоциалистической Конституции ее кантианские и гегельянские основы, а преодолеть их разрывы в форме, которая задает ритм всему праву страны и ее государственному устройству. В свете обозначенной цели, кантианские и гегельянские философско-правовые идеи взяты в местах их разрывов и связей не в чистом виде, а в их интерпретации двумя выдающимися отечественными правоведами: кантианцем С.С. Алексеевым и гегельянцем В.С. Нерсесянцем.

Мысли Гегеля оставили свой глубокий след во всем творчестве В.С. Нерсесянца, который посвящал самостоятельные труды творчеству философа [9; 11], а учение Канта о праве наиболее комплексно и полноценно раскрыто в трудах С.С. Алексеева. Ярким свидетельством приверженности последнего идеям великого философа говорит одно лишь название труда С.С. Алексеева, посвященного данной теме, «Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху» [2].

Но что объединяет Канта с Гегелем и, соответственно, кантианца С.С. Алексеева и гегельянца В.С. Нерсесянца в их совместном понимании сущности права? Обе традиции истоком права и основной движущей силой его развития

видели идею свободы, ее фатального, неизбежного прогресса, но трактовали эту идею существенно по-разному.

В кантианской традиции Свобода всегда индивидуалистична и понимается как согласие свободных субъектов (индивидов) жить вместе, которое достигается в виде условия согласования их свободных волей. Право здесь – это прежде всего право человека, граница его произвольного усмотрения, а посему условие его Свободы. По мысли С.С. Алексеева, именно направленность кантианского вектора на человека (идея прав личности) сделала взгляды Канта по правовым вопросам остро актуальными, начиная со второй половины XX века [2, 24]. Право для Канта составляет содержание его формы – закона. В то же время, закон представляет собой не просто внешнюю форму, носитель правовых норм (как это принято в юридическом позитивизме). Форма закона здесь естественная необходимость правового содержания, которая наряду с принятой в юриспруденции функцией источника права также играет объективирующую правотворческую роль. Интерпретируя мысли Канта С.С. Алексеев указывал на то, что «самые высокие правовые принципы и права людей лишь тогда станут реальными, когда они выступят в качестве категорий объективного права» [2, 63]. Здесь идея восходит на институциональный уровень, положения, имеющие субъективный характер, возводятся на уровень объективной реальности. Так идеальная плоскость права становится социальным феноменом, а разумное становится действительным.

В кантианском понимании форма, точнее чувство формы, имеет определяющее значение. По мысли М. Мамардашвили «Форма как возможность структуры, как нечто, что лежит в области полноты, есть для Канта такое образование, от свойств которого зависит все остальное в мире. В том числе социальные проблемы, социальное благо человека, его нравственное благо как конкретного, то есть несвятого существа» [8, 90]. Именно форма не должна содержать основания несправедливости, поскольку ее несовершенство делает возможным появление «неправовых» законов, «имитационного права», «видимости права» [2, 65, 73].

По Гегелю идея права есть Свобода, где Свобода – это предпосылка системы права, (в отличие от кантианского результата, итога согласования воли). При этом подлинной свободой является всеобщая, а не индивидуальная свобода. Эта всеобщая свобода объективируется в государстве, представляющем собой первичное нравственное целое по отношению к остальным его моментам (индивидам и обществу). Интересы отдельной личности реализуются в специфичной сфере жизненных отношений – гражданском (буржуазном) обществе, но их единство достигается только в государстве. Всеобщая свобода требует, чтобы субъективные интересы индивида были подчинены государству, как нравственному целому. Описывая гегелевскую идею государства как единого органического процесса, В.С. Нерсесянц отмечает, что в нем «каждый особенный момент (индивиды, их объединения, различные власти и т.п.) пользуются своими правами и отправляют свои обязанности, сообразуясь с целями всеобщего и тем самым реализуя их» [11, 51].

В «Философии права» Гегель отстаивает противоположную кантианству мысль о том, что форма – это идея права, а содержание – это ее реализация (люди, общественные отношения, вещи и отношение людей к вещам и всерегулирующие законы) [4, 59]. Следовательно, форма права задается свободой. В форме, заданной свободой, происходит реализация общественных отношений. Поскольку реализация связана с законом, для того чтобы уметь пользоваться «формой всеобщности» и руководствоваться ею, необходим определенный уровень культурного развития и образованности [11, 39]. Таким образом, в своей идеальной форме позитивное право должно без остатка проявляться в законе, но произвол наделенных властью людей, несовершенство законодательного процесса зачастую становятся преградой их тождеству.

Это различие права и закона как формы и содержания приобрело концентрированный характер в позициях С.С. Алексеева и В.С. Нерсесянца. Следуя идее Гегеля о свободе как форме, В.С. Нерсесянц постулировал, что свободу людей можно признать и выразить только в государственно-правовой форме, путем признания фактически разных индивидов формально равными

субъектами права [10, 7]. При этом право, как форму отношений, следует отграничивать от фактического содержания этих отношений, которое проявляется во властных установлениях, законах. Определения соотношения закона (содержания) и права (формы) дает возможность оценки закона как правового или неправового. С противоположно другой стороны подходит в разрешении проблемы соотношения права и закона как формы и содержания кантианец С.С. Алексеев. Согласно его позиции «органического единства закона и права», законы постольку являются реальным и эффективным инструментом, поскольку соответствуют внутренним закономерностям (внутренней логике права). То есть форма должна наиболее адекватно отражать содержание, поскольку именно при помощи законов как официальных нормативных документов происходит формирование и функционирование права [2, 65].

Описанная разница кантианского и гегельянского подходов показывает принципиально разную направленность их векторов. Взгляды Канта устремлены к части – к правам человека, его интересам, эксплицитная направленность на достижение которых, в то же время имплицитно, как бы по инерции, влечет за собой достижение интересов целого. Целое – общество и государство – являются необходимыми моментами реализации прав человека. В отличие от Гегеля, делавшего акцент на феномене права, Кант концентрирует свое внимание на понятии закона. Вектор политико-правовых взглядов Гегеля устремлен к целому – к государству как субстанциональной тотальности. Личность, семья общество являются моментами этой тотальности. Право, как закон, позитивное право, может существовать только в рамках государства, преобразуя поведение людей посредством субъективных прав и обязанностей в средство достижения государственных целей. Первостепенное значение здесь имеет удовлетворение интересов нравственного целого, что достигается посредством урегулирования правом путей достижения интересов его частей. Более того, сопоставляя выражение идей Кантом (философия права которого рассеяна по всему его творчеству) и Гегелем (кульминацией философских воззрений которого становится целостное учение о праве), уже сам способ артикуляции

символизирует о наличии в их учениях о праве онтологического разрыва: тотализирующий характер мышления Гегеля обозначает приоритет целого над частью, а системообразующая рассыпанность мыслей Канта делает акцент на суверенности единичного перед всеобщим.

Диалектика права и закона также показывает неумолимое присутствие в ней онтологического противоречия. В границах такого различия Гегелем отдавался приоритет праву (стремление к целому), Кантом – закону (стремление к единичному). Вместе с тем, в соотношении приведенного различия права и закона с формой и содержанием видно, что и Кантом, и Гегелем приоритет отдавался форме. Анализируя творчество Канта, М. Мамардашвили справедливо отмечает, что «нам нужны не честные судьи, а независимые суды» [8, 91], указывая, как и оба философа, и оба их последователя, на то, что необходимо правильно конструировать форму и в ней настраивать онтологическое равновесие. Ядром этой формы, задающей ритм государственно-правовому строительству, предстает Конституция.

Из приведенного различия становится ясным, почему Западное индивидуализированное общество в отношении понимания права стоит на кантианской позиции, а метафизический опыт российской государственности склоняется к гегелевскому решению. Вместе с тем, история России, поскольку она остается европейской страной, показательна тем, что в ней столкнулись эти две традиции. Отголоски этого столкновения до сих пор сотрясают теорию и практику Российской государственности, выражаясь в непрерывном противоборстве двух идей: суверенных прав человека и внутреннего суверенитета государства. Изложенная теоретическая ситуация всецело подтверждается на практике. Ныне действующие европейские конституции написаны в кантианском духе. Конституция России, изначально создаваемая в кантианской парадигме и потому называемая ее идейным вдохновителем «Конституцией Человека» [1, 83], по мере приближения момента ее обнародования все более утрачивала свой кантианский дух в пользу государственной суверенности (например рокировка в тексте Конституции глав

о правах человека и государственном устройстве). Государство здесь берется не в его гегелевском понимании как нравственное целое, а как довлеющую над обществом и каждым человеком, наделенную неограниченной властью часть. Основанные на такой Конституции практика и действующие законы тяготеют к приоритету государственного над частным.

В то же время, «Конституция Человека», имеющая кантианскую основу, человекоцентрична, имеет перевес в пользу части, которая пользуется приоритетом перед целым. Равновесие здесь возможно достичь посредством институализации гегельянской парадигмы, в которой приоритет смещен в пользу целого (государства). По Гегелю государство – это нравственное целое, тогда как современные государства, по существу являются такими же частями, как и люди, с той лишь разницей, что первые наделены властью со стороны и в отношении вторых. Речь идет о государстве в его ленинском понимании как аппарате господства одной малочисленной группы людей над всем обществом [7, 14]. В онтологическом плане, таким образом, складывается парадоксальная ситуация: наличие частей в отсутствии целого, при этом одна из частей, к тому же наделенная властью в отношении остальных, начинает играть роль целого. В таком ключе к месту приходятся слова Д. Боуза, назвавшего XX век веком государственной власти и отклонением от магистрального пути, по которому развивалась 2500-летняя история человечества, являющаяся историей возрастающей свободы при постепенном ограничении государственного принуждения [3, 5].

Сегодня отечественная философско-правовая традиция, развивающаяся в общем духе гегельянской парадигмы, предложила альтернативу складывающейся двухсотлетней коллизии, достигшей апогея в действующей Конституции. Представления о капитализме как конечной ступени и последней вершине всемирно-исторического прогресса свободы, права, собственности, развиваемые Гегелем в начале XIX века, во второй его половине были подвергнуты критике русским философом и юристом В.С. Соловьевым. В своем философском словаре В.С. Соловьев сетовал на то, что в философии истории

Гегеля не оставлено никакого места ни для социализма, ни для России и славянства, как исторической силы [13, 79]. Со взгляда человека XXI века, и концепция прогресса свободы Гегеля оказалась верна и слова В.С. Соловьева о месте России в этом прогрессе свободы оказались пророческими. В XX веке, в то время, когда Запад, опираясь на воззрения Гегеля, объявляет о «конце истории» [14, 7-9], Россия, реализовавшая коммунистическую идею, была осмыслена В.С. Нерсесянцем как носитель мирового духа, исполнитель его поручения в деле всемирного прогресса свободы. В.С. Нерсесянц отрицал возможность возврата к капитализму и признание социализма исторической ошибкой. В связи с чем, у социализма должна быть своя, иная, чем капитализм или иллюзорный коммунизм, будущность [10, 3]. Альтернативу В.С. Нерсесянц усматривал в концепции цивилизма – цивилитарного права и государства, и в главном – в их основе – цивилитарной (гражданской) собственности, которую понимал как идеальную долю каждого в общей собственности всех граждан [10, 25].

Именно в этом месте В.С. Нерсесянц нашупал равновесное состояние в соотношении части и целого: с одной стороны – наличие у государства, делегированной от общества, регулятивной, ограниченной власти над людьми в отсутствии у него власти над вещами, что будет противостоять его превращению в довлеющую над людьми часть. С другой стороны – наличие у каждого реальной власти над вещами в виде равного для всех минимума гражданской (цивилитарной) собственности и права на приобретение любой другой (частной) собственности без ограничительного максимума, что составит почву для ответственности как перед собой, так и перед обществом и государством, возвращая ему статус нравственного целого.

Прогресс свободы с одной стороны не мыслим, а с другой неизбежно порождает прогресс в демократических институтах, и в первую очередь в институте собственности, праве и государстве. В гегелевском подходе прогресса свободы всемирная история распадается на четыре всемирно исторических царства: восточное, греческое, римское и германское. С достижением новой,

более высокой ступени свободы происходит смена форм государства: теократия (свобода одного), аристократия (свобода некоторых), монархия (свобода всех) [5]. Если исходить из того, что в буржуазную (капиталистическую) эпоху человечество достигло вершины количественного прогресса свободы, то что собой представляют социалистическая и цивилитарная собственность, государство и право в процессе всемирного прогресса свободы?

Ответ на этот вопрос сокрыт в диалектике самого Гегеля, считающего, что всякое новое качество есть лишь результат накопившихся количественных изменений. А значит и количественная свобода всех, предусматривающая лишь возможность владения собственностью каждым в капиталистических обществах, в условиях обладания социалистической собственностью всеми (социалистическое общество) или наличия у каждого реальной доли владельца гражданской собственности (цивилитарное общество), представляют собой качественно иное состояние свободы.

Продолжая гегельянскую традицию, В.С. Нерсесянц усматривал в декларируемой этой традицией идее свободы, приемлемую для России форму государственности. Выход В.С. Нерсесянц видел в том, чтобы от социалистической собственности перейти к иной, индивидуальной, но не частной форме собственности, от достояния «всех вместе» к собственности каждого в отдельности [10, 20]. И, несмотря на упущенную первоначальную возможность прямой цивилизации всех объектов социалистической собственности [10, 54], действующая Конституция России содержит закономерный выход на путь дальнейшего прогресса свободы во всемирно-историческом плане. Признание на конституционном уровне многообразия форм собственности (частной, государственной, муниципальной), дает возможность равной защиты и иным формам собственности. Критерием разграничения указанных форм собственности является их носитель (субъект): частное лицо (индивид или группа индивидов) и публично-правовое образование (государство, его субъект или муниципальное образование). По такой логике, ни в практическом, ни в теоретическом аспектах не существует никаких иных форм

собственности, кроме цивилитарной. Как и манифестировал автор концепции «если даже реальный социализм XX века упустит объективную возможность для перехода к цивилизму, то это вовсе не будет означать ни потери самой идеи цивилизма ..., ни уже навсегда открывшегося пути к нему» [10, 39].

Таким образом, именно посредством институализации в человекоцентричной кантианской Конституции основ гегельянской парадигмы, получивших своеобразное развитие в идее цивилизма В.С. Нерсесянца, возможно нахождение баланса между частью и целым, правом и законом, чтобы сама форма содержала импульсы здорового развития, закон не становился произволом, а право не оказывалось далеким от реальной жизни трансцендентальным феноменом свободы.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 4: Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х – 2009 годов. – М.: Статут, 2010. – 544 с.
2. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. – М.: Статут, 2010. – 549 с.
3. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика / пер. с англ. под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, Cato Institute, 2004. – 391 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 352 с.
6. Кант И. Сочинения: в 4т.: На немецком и русском языках. Т.1 : Трактаты и статьи (1784-1796) / подгот. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. – М.: Издательская Фирма АО «Ками», 1994. – 585 с.
7. Ленин В.И. О государстве: лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. – М.: Потитиздат, 1989. – 24 с.
8. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. – М.: «Аграф», 1997. – 320 с.

9. Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. – М.: Юрист, 1998. – 352 с.
10. Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 64 с.
11. Нерсесянц В.С. Гегель. – М.: «Юридическая литература», 1979. – 111 с.
12. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. – М.: Университетская типография, на страстном бульваре, 1901. – 245 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
14. Соловьев В.С. Философский словарь Владимира Соловьева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 464 с.